

Книгу воспоминаний «Молодость военная моя» Нина Релина, по ее собственному признанию, «не написала, а прожила».

Ветеран Великой Отечественной войны, член Союза журналистов и Союза писателей России, автор гимна Благовещенска и нескольких сборников стихов, Нина Валериановна недавно издала уникальную книгу. Это не проза в привычном понимании, потому что ни одного слова в ней не сочинилось. Это живые страницы воспоминаний о войне. Дневниковые записи, фотографии, письма... Где-то наивные, где-то патетические, где-то по-бытовому практические - но везде предельно искренние.

Нина Релина ушла на фронт с третьего курса горного института. Была радисткой. Служила в Москве, во время Сталинградской битвы была в числе тех, кто по заданию Ставки держал связь с войсками, сражающимися на Волге. Позже дошла до Смоленска и Вильнюса. С 43-го года и почти до конца войны переписывалась с танкистом Михаилом Балаганским. Молодые люди знали друг друга только заочно и мечтали встретиться после Победы. Михаил не дождал до нее всего два месяца - сгорел в танке. Более сотни его писем (в книгу вошли 126) она бережно хранит до сих пор. Многие знает наизусть. Нина Валериановна поддерживает добрые отношения с племянниками Михаила. В 1965 году она написала письмо маршалу М.Е. Катукову и через него вышла на сотрудников музея города Мценска, который освободила часть ее погибшего друга... У войны нет прошлого времени - если ты пережил ее, она остается в тебе навсегда. Жизнь становится очень ценной, ее хочется наполнить до края.

После войны Нина Релина окончила газетное отделение Свердловской партийной школы, работала в газетах Урала, Тувы, Приморья и Амурской области. Она автор четырех сборников стихов и сборника песен. Двадцать два года пела в хоре ветеранов, всю жизнь активно занималась военно-патриотической работой. 18 апреля Нине Валериановне исполнился 91 год. У нее замечательная дочь, двое внуков и правнук. Она прекрасный собеседник и - до сих пор! - неравнодушный, увлеченный, яркий человек.

Инна ВОЛКОВА.

Ту, последнюю мирную субботу мы, студенты-третьекурсники, провели как обычный день геологической практики. Я и две Таси описывали и зарисовывали обнажения в Змеином Логу. Там много змей, мы их побаивались. (...) Вечером, наперекор кровожадной стае комаров, потанцевали прямо на улице, возле школы, где мы были расквартированы. Долго не спали, перебрасывались шутками-прибаутками и подушками. И никому не могло прийти в голову, что на нашу землю уже двигалась война».

«Нас сняли с практики. Повезли в Алапаевск. Там мы рыли котлован под фундамент будущего станкостроительного завода, который должен был эвакуироваться откуда-то с запада. (...) Копка ямы набивает страшные мозоли. Но не приносит радости. Но говорят, это тоже надо, и со злостью лопаты вгрызаются в твердую, утрамбованную веками землю. Сравнительную твердость пород мы теперь изучаем своими руками, а не на лекциях».

«В райкоме комсомола невообразимый гвалт. Стоят, сидят, ходят. В коридорах, на лестницах, на улице. Возле кабинета секретаря настоящая давка. «И почему обязательно беседовать с каждым? - возмущается вихрастый парень из промышленного института. - Записывали бы всех списком, да и делу конец. Только время зря проводим». Мы с ним согласны. Война. Надо скорей на фронт, а тут разводят антимионии».

«И вот я в Свердловске. (...) В котомочке пара белья, полотенце, носки. И иду я на этот раз не в институт, а на сборный пункт, он в Доме крестьянина. (...) Народу - как на большом базаре. Все куда-то бегут, что-то спрашивают друг у друга. Спрашиваю и я, куда мне идти. Встречный военный говорит: «Найдите сорокового лейтенанта». Никогда не думала, что лейтенанты обозначаются номерами. И где искать эти номера? С таким глупым вопросом обращаюсь еще к одному военному. Он от души похохотал и объяснил, что Сороковой - это фамилия».

Прошли мы, как положено, карантин. Девчонок всех подстригли под мальчишек. Были и слезы, когда у одной, из нашей роты, оказались отличные длинные косы. (...) Нас обмундировали. Гимнастерки и юбки хлопчатобумажные, узенькие матерчатые пояски. Ну точно снопы. Смейся над собой. А ниже белье - это надо видеть. Рубахи бязевые, почти до колен, с длинными рукавами. Такие же панталоны, огромные, как пузыри. Вечером мы бегали в них по казарме, изображая страшных привидений».

«Дали нам солдатские ботинки, размера так на три больше ноги, с толстыми подошвами. Мы их называли «танкетки». Выдали новые бе-

Курсанты - будущие радисты. Нина Релина в первом ряду в центре.

ЮНОСТЬ

(из книги Нины Релиной)

Нина Релина - младший сержант. Май 1942 г.

лые бязевые портянки. Но они в ботинках никак не умещались. У меня так и торчали, как белые манжеты. (...) Ботинки, конечно, очень тяжелые, особенно неудобно в них, когда занимаемся за городом, в полевых условиях. Но зато в них хорошо танцевать балет. В Зеленой Роще, где мы занимаемся строевой подготовкой, есть деревянная танцплощадка. Раскинув полы шинели, как крылья, я там танцую «балет» на «пальчиках», то бишь на рантах этих толстых ботинок».

«Никто из нас, девчонок, не знал, что в армии надо иметь свою ложку. И первое время мы суп не хлебали, а пили через край. А кашу или там макароны, что давали на второе, ели с помощью кусочка хлеба или щепочек».

«Говорят, в мирное время радистов обучали в течение года. Сейчас война, и нам на освоение этой премудрости дано два месяца. (...) Сидим в классе. Долбим тире и точки на ключе. Поём. И в классе, и на улице, и в казарме только и слышится: ти-ти-та, та-ти-ти-ти, ти-ти-та-ти».

Конец октября сорок первого. Первый эшелон отправляется в сторону Москвы. Но меня в эшелоне нет. Меня оставили в Свердловске, инструктором на курсах,

учить новый набор радистов. Я этого не ожидала. И столько слез, столько разочарования принес мне этот день! (...) Я писала командованию курсов один рапорт за другим. Просьба - отправить на фронт. Наконец, после третьего или четвертого рапорта, начальник курсов сказал, что с очередной группой радистов отправят и меня».

«До сорок первого года я никогда не была в Москве. И вот в морозной утренней дымке мы увидели ее, суровую, настороженную. На улицах и площадях противотанковые надолбы и «ежи», баррикады. В витринах магазинов завалы из мешков с песком. Окна домов заклеены бумажными перекрещенными лентами. Прямо на улицах стоят орудия. А по вечерам в небо поднимаются «брюхатые» огни-статы. Красная площадь и Кремлевская стена закамуфлированы, раскрашены буро-коричневыми пятнами».

«Нас, радистов, разместили в штабе ПВО страны в Уланском переулке. У нас две маленькие комнатки: в одной мы, девчата, а в другой - парни-радисты. Двухъярусные железные кровати. Я на втором «этаже».

«Работаем по 12 часов. Наше рабочее место под землей. На одной из станций метро, в конце платформы, маленькая дверь. Открываем ее, спускаемся вниз по узкой бетонной лестнице и попадаем в свой рабочий кабинет. Это маленький каземат или «карцер», короче - каменный мешок, сырой и темный. Есть электрическая лампочка. На столе два радиоприемника. Каземат обогревается «козлом». Воздух тяжелый. Когда после 12-часового дежурства мы выходим из этого подземелья, как полузадохнувшиеся рыбы, глотаем воздух улицы».

«Работаем по двое. Передаем и принимаем радиogramмы. Из штаба - в войска. Из войск - в штаб. Все тексты, естественно, зашифрованы в цифры. И корреспонденты наши тоже зашифрованы, обозначены номерами. Только короткие радиogramмы с грифом «воздух» мы можем частично понять, потому что в них цифрами дается количество немецких самолетов, которые летят на Москву, а также их тип. «Me-110» это «Мессершмитт», «He-111» - «Хейнкель», «Ю-88» - «Юнкерс».

В начале февраля 1942-го нас привезли в Вешняки - небольшой дачный поселок в нескольких километрах от Москвы - и поселили на даче. Она явно была не приспособлена к морозам. Печка грела, только когда топила. Мы замерзаем. Решили спать по двое: две шинели и два солдатских одеяла все же согревают. А когда мы утром выкакиваем из кроватей, пробирает дрожь. Вода в ведрах замерзает. Да и воду-то достать негде, приходится растаивать снег. Дров для нас тоже не запасли, заготавливаем сами, утопая по грудь в снегу».

«Питаемся в полку у зенитчиков. Когда мы в первый раз пришли туда,

ВШИНЕЛИ

«Молодость военная моя»

был настоящий переполох. Парни окружили нас, спрашивали, откуда мы, как тут оказались, нет ли землячек. Потом уже всех нас узнали по именам, выбрали себе симпатии. Парни-зенитчики подсаживались к нам во время обеда, говорили комплименты, предлагали дружбу. Но вся «любовь» заканчивалась с окончанием обеда.

«Проза жизни - чистим картошку в полку. Картошки целый мешок, чищу, стараясь срезать шкурку как можно тоньше. Ведь тут картошка - большая радость. Обычно все каши да каши. Как-то привезли мороженую картошку. Кое-как содрали с нее шкуру. Сварили в котле черное мисиво. Но мы и его ели. А однажды варили нам горох. Я раскусила горошину, а в ней махонький черный жучок. Выплюнула. Раскусила вторую - тоже жучок. И в третьей, и в четвертой. Что делать? Есть хочется. Зажмурила глаза и стала жевать все подряд. Хрустит на зубах то ли горох, то ли жук».

«Сегодня мне исполнилось 20 лет. А что я видела? Что полезного сделала для Родины? На улице настоящая весна. Солнышко светит, тепло. У нас в палисаднике уже распускается верба, смородина, сирень. И настроение весеннее, только вот если бы не война. Скорей бы разбить этих гадов».

Наступает сорок третий год. (...) Недалеко от меня сидит Оля Шемчук. Красивая голубоглазая сибирячка. Вдруг она обращается ко мне:

- Нина, а напиши письмо нашему Мише.

- Какому Мише? - спрашиваю я.

- У меня родная сестра Мария замужем за Петром Балаганским, а Миша его брат. Он, как и Петр, на фронте. Девушки у него нет. А ты ведь можешь написать хорошее письмо. Солдату, да еще перед Новым годом, будет приятно.

- А почему бы и нет, - подумала я. - Некоторые из наших девчат имеют заочных друзей. Может, и мы сможем стать друзьями с этим неизвестным Мишей».

«В ночь на старый Новый год решили поворожить на блюде. Но в 23.00 всех заставили лечь спать. Мы злимся, думаем: это специально, чтобы мы не гадали. Вдруг вбегает начальник караула и кричит: «Боевая тревога!» Оказывается, поэтому и спать нас укладывали, чтобы посмотреть, как мы соберемся по тревоге. Собрались за 10 минут! (...) Вернулись и снова за блюде. Вызываем дух Пушкина, задаем вопросы: кто кого любит, выйдут ли замуж, за кого? (...) Ура! Получила первое письмо от Мишки».

Из письма Михаила Балаганского: «Как приятно читать письмо от девушки во время артиллерийской канонады. Верно, читать мне его пришлось не сразу, несколькими часами позже. Обстоятельства боя не позволяли. (...) Да, Нина, тяжело вспоминать прошедшее, которое, возмож-

но, уже никогда не вернется, а если и вернется, то не всем будет суждено встретить своих друзей, подруг и т.д. Но ничего. Раз на нашу долю выпала великая миссия - защищать Родину и разгромить всеми ненавистного врага, то мы ее выполним с честью».

Разгар Сталинградской битвы. Был момент, когда Ставка утратила связь со Сталинградом. (...) Из Москвы связь запрашивают чуть ли не каждый час. Командир взвода то и дело подходит к приемнику и спрашивает: «Ну как?» Когда я наконец услышала тоненький писк в ответ на мои вызовы и закричала: «Одиннадцатый появился!», командир

Михаил Балаганский написал Нине более ста писем и погиб за два месяца до Победы.

взвода еще громче меня закричал: «Сталинград ответил!»

«Вот она, тоска, от которой некуда деться. От Мишки ничего нет. А ведь он у меня из головы не выходит. Неужели что с ним случилось? Даже страшно подумать. Ночью прихожу со смены, не могу спать и все думаю, что с ним? (...) Вчера ходили за ужином для дежурной смены. Вдруг на небе зарницы появились. Загадала: если всё откроется, то встречу с Мишей. Шура и Тася, которые были со мной, тоже загадали. Ждем все. Неужели не откроется? И вдруг всё открывается! Мы от радости даже закричали».

Этот день самый памятный в моей жизни! Утро выдалось солнечное, весеннее, как будто предвещало что-то радостное. На 11 часов у нас наметили митинг. (...) И вот майор Петров читает: «За образцовое выполнение приказов командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награждаются медалями «За боевые заслуги» старшины-радисты Емельянов, Пустобрыков, Лаптева, Лиханова, Релина». Это за обеспечение связи со Сталинградом».

«Вбегает Тося и кричит: «Беги скорей, тебе Лелька что-то привезла». (...) Побежала встречать, Леля и передает фотокарточку небольшую.

- Мишка?

- Да, Мишка.

Я взглянула мельком и бежать. Но по дороге еще раз три останавливалась, чтобы взглянуть на эту маленькую драгоценность. Я так рада, но радость не вылилась наружу. Я задумалась о том, что я ему не понравлюсь. (...) Ничего особенного в нем нет. Обыкновенный паренек с большими темными глазами. И я рада, что он обыкновенный. Теперь я знаю своего заочного любимого. Но я постоянно думаю о том, что я высокая, а он может быть ниже меня ростом, и это разочарует при встрече».

Из письма Михаила Балаганского:

«Да, Нина, весна в самом разгаре. Проходит самое хорошее время. Ведь Нина, трудно сказать, будут ли у нас еще такие вечера, в которые еще придется помечтать, полюбить и быть любимым. Ничего, Нина, будем живы - обязательно встретимся, так или нет? У меня сейчас нет заветнее мечты. Ну а если мне придется честно отдать жизнь за нашу любимую Родину, так знай, Нинка, и помни, что я был полностью предан тебе».

Из письма Михаила Балаганского:

«Ниночка, пишу тебе в день великого праздника 1 Мая. С утра была торжественная часть, построение. По приказу от большого «хозяина» получил благодарность. (...) Да, Нинка, получил посылку, в которой было: пачка папирос, зубная щетка, порошок зуб-

ве и пишу тебе письмо. Передо мной твое фото и письмо, и у меня такое ощущение, будто я разговариваю с тобой. (...) Я хоть сейчас готов броситься в самый огонь, перенести все, что только смогу, что окажется на пути, лишь для того, чтобы сбылись наши мечты. Когда я думаю о будущем, у меня лишь одно стремление - встретить тебя. Но не желаю такой встречи, которые больше всего удаются - на больничной койке. Я уже испытал это счастье три раза, а сейчас думаю: если уж снова подберут, так лучше совсем».

«Открываю конверт. В нем лист плотной бумаги. Поздравление с Новым годом! С красивыми, смешными рисунками, с завитушками! Вверху, в левом углу, две березы. Ветки, побитые бурями, пораненные, искалеченные, с оборванными листьями. Стволы, слившиеся друг с другом. И над ними еще бушуют бури и какие-то вспышки. Но все-таки они стоят наперекор всему. Да, наверное, так и есть - это мы с ним. Два дерева, слившиеся воедино. А над нами бури. Война».

Мишка уже в Румынии! Вчера они заняли город Серед. Как сообщается в приказе товарища Сталина, отличились войска генерал-лейтенанта танковых войск Каткува. Точно родное что-то, точно привет слышу в этих словах диктора. Это указывает, где мой Мишка. Как далеко! Как много они уже прошли! Как много пережили! Письма Мишка теперь пишет редко, все время в боях. Вот уже десять дней писем не было. Как я переживаю! Как я беспокоюсь за него! Часто думаю о встрече. А будет ли она? Ведь каждый бой - это встреча со смертью».

«Сегодня Пасха. Дома, наверное, что-нибудь стряпают. Ведь мама любит этот праздник отмечать. В детстве мама к этому дню нам шила новые ситцевые платья. А папка устраивал во дворе качели. Так хочется побывать дома!»

Из письма Нины к Михаилу:

«Очень часто перечитываю твои письма, этап за этапом проходит передо мной время нашего знакомства, нашей дальнейшей переписки. Вот смотрела твое пожелание мне на 1944 год. А к этому Новому 1945 году я даже не получила от тебя письма. Между прочим, в этом году мне, вероятно, не будет счастья, так как Новый год я не встречала. Мишка, хороший мой, дорогой, напиши хоть несколько слов. Крепко-крепко целую. Нина».

«Я сразу увидела на моей кровати этот большой голубоватый конверт. Адресовано мне. Увидела номер полевой почты - 13985. Это - полевая почта Мишки. Только конверт подписан другим, незнакомым почерком. И вдруг всё во мне сжалось. Замерло. Боюсь открывать этот холодный, чужой конверт и знаю, что надо. В конверте два моих письма в маленьких конвертиках. И открытка. Я писала их для Мишки. И еще одно письмо, для меня. «13.03.45 года. Уважаемая Нина! Сегодня пришли от вас на имя Балаганского Миши три письма. Но жаль его! Он погиб. 11.03.45 года его похоронили в Германии. (...)»

ной, нитки, пуговицы, бумага, конверты - всё необходимое для полевой жизни. Конечно, я остался исключительно благодарен тому, кто беспокоится о нас, фронтовиках. Жаль только, что я не могу поблагодарить - не знаю даже, кто прислал эту посылку. (...) Ниночка, дорогая, пиши чаще письма. Пусть они будут для меня отрадой. Ты для меня сейчас всё».

«...Мне почему-то все время кажется, что с Мишкой не суждено встретиться. А мы с ним так духовно близки, так понимаем друг друга».

Получила от Мишки письмо. (...) Письмо пришло с засушенным цветком! Трогательные тонкие лепестки ириса! Этот скромный цветок дороже любых букетов! Позже, годы спустя, написала стих «Цветок». Композитор Михаил Клевакин, мой земляк-уралец, положил их на музыку. И песню стали петь. Жив твой цветок, Миша!»

«Послала Мишке носовой платочек. Платочек красиво обвязала розовыми нитками, от простыни (они бязевые) оторвала полоску, и из нее получилось несколько платочков. Так у нас делали многие девчата. (...) Крючки нам ребята сделали из проволоки стальной. А нитки добывали на рынке, в обмен на махорку, которую нам давали. Ведь мы не курили».

Из письма Михаила Балаганского:

«Знаешь, Нина, я опять лежу на тра-